слабы и мелки должны были казаться мальчику его гнѣвъ и ненависть!

Поставьте себя на его мѣсто. Онъ все еще бродитъ около дома, не подходя однако близко къ двери. Черезъ нѣкоторое время дверь отворяется, и онъ уже собирается пуститься наутекъ, ожидая увидать разгнѣваннаго отца съ палкой. Но —о чудо!—вмѣсто того выходитъ его товарка и, улыбаясь сквозь слезы, несетъ ни больше ни меньше, какъ блюдце съ малиновымъ вареньемъ! Какъ онъ, должно быть, старался ожесточить себя и съ презрѣніемъ оттолкнуть соблазнительное лакомство! Но искушеніе было слишкомъ сильно. Крестьянскіе мальчики не каждый день ѣдятъ малиновое варенье. Онъ робко подходитъ, молча хватаетъ блюдце и жадно глотаетъ варенье. Потомъ убѣгаетъ внизъ по горѣ и, если бы человѣчество своей привычкой къ сидячей жизни не уничтожило свой хвостъ, то этотъ выразительный и полезный членъ непремѣнно виновато болтался бы у него между ногъ. Если бы его прибили, онъ навѣрное ушелъ бы, проклиная всю семью Толстыхъ. А теперь его мысли спутаны, но господствуетъ все-таки убѣжденіе, что онъ поступилъ какъ глупый и дурной мальчикъ, и что эти добрые, любящіе люди гораздо лучше его. Если въ этомъ мальчикѣ была хоть искра добра, — а такая искра есть во всѣхъ мальчикахъ, — то это блюдце малиноваго варенья должно было раздуть ее въ пламя.

Я увѣренъ, что не всѣ согласятся со мной. Разъ я разсказалъ этой случай въ одномъ обществѣ въ Нью-Джерси. Тамъ вообще много чудаковъ, и одинъ изъ нихъ какъ разъ присутствовалъ въ тотъ вечеръ на нашемъ собраніи; воспользовавшись невѣжливымъ и грубымъ обычаемъ возражать по окончаніи бесѣды лектору (такъ слушатели мстятъ лектору за то, что онъ заставилъ ихъ долго слушать), почтенный и добродушный старикъ съ бѣлой бородой всталъ съ своего мѣста въ концѣ залы и, обратившись ко мнѣ, заявилъ: